

Мария Воронова

Сократите меня, Владимир Семенович!

*Часть сборника
С праздником! 8 марта.
Рассказы о любви*

Мария Воронова

**Сократите меня,
Владимир Семенович!**

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Воронова М. В.

Сократите меня, Владимир Семенович! / М. В. Воронова —
«Эксмо», 2016

«Нет, не ради оплаты я дежурю Восьмого марта. Я одинокий человек, а праздники – настоящее испытание для таких людей, особенно Международный женский день, когда тебя никто не поздравляет, и 23 февраля, когда тебе некого поздравить, и Валентинов день... И Новый год я тоже не люблю, пожалуй, больше всех прочих радостных дат не люблю за почти физическое ощущение уходящей жизни, за печальное признание того факта, что позади остался очередной одинокий год, несмотря на все загаданные прошлой новогодней ночью под ёлочкой желания найти спутника жизни и на контрольный бокал шампанского, выпитый под звон курантов. Правда, в этом году я наконец не стала ничего загадывать. Безжалостная статистика в совокупности с личным опытом свидетельствует, что никакому Деду Морозу не под силу найти хорошего мужа для тридцативосьмилетней женщины...»

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Воронова М. В., 2016
© Эксмо, 2016

Мария Воронова

Сократите меня, Владимир Семёнович!

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

– Что ж вас мужики поставили дежурить на Восьмое марта? – с сочувствием спрашивает Наталья Тимофеевна, подавая мне заряженный иглодержатель. Я молчу, потому что накладываю ключевой шов, требующий полной сосредоточенности. Да и что я могу ответить – что сама попросилась дежурить Восьмого марта, якобы от жадности, польстившись на двойную оплату, положенную за работу в праздничный день?

Затягиваю свой ключевой шов, вроде получилось неплохо, даже ассистент, давно равнодушный ко всему старый травматолог, довольно фыркает.

Нет, не ради оплаты я дежурю Восьмого марта. Я одинокий человек, а праздники – настоящее испытание для таких людей, особенно Международный женский день, когда тебя никто не поздравляет, и 23 февраля, когда тебе некого поздравить, и Валентинов день... И Новый год я тоже не люблю, пожалуй, больше всех прочих радостных дат не люблю за почти физическое ощущение уходящей жизни, за печальное признание того факта, что позади остался очередной одинокий год, несмотря на все загаданные прошлой новогодней ночью под ёлочкой желания найти спутника жизни и на контрольный бокал шампанского, выпитый под звон курантов. Правда, в этом году я наконец не стала ничего загадывать. Безжалостная статистика в совокупности с личным опытом свидетельствует, что никакому Деду Морозу не под силу найти хорошего мужа для тридцативосьмилетней женщины.

– Что слышно по сокращению? – спрашиваю я Наталью Тимофеевну, чтобы отвлечь её от обсуждения моей нелёгкой судьбы. Будучи операционной сестрой, Наталья Тимофеевна почему-то знает обо всём происходящем в больнице лучше главврача, и информация у неё всегда точная, касается ли дело интрижки между коллегами, кадровых перестановок, суммы, украденной заместителем по АХЧ на текущем ремонте, или любой другой сферы деятельности нашей клиники.

– Позавчера было совещание, – говорит она, отработанным движением кладя инструмент в мою протянутую ладонь, – долго обсуждали, кого сократить, но вашей кандидатуры не поднимали, не беспокойтесь.

– Нет? То есть точно нет?

– Точно! Вас не сократят ни при каких обстоятельствах!

Я тяжело вздыхаю. Словам Тимофеевны можно верить.

Для меня это сюрприз. Как только зашла речь о сокращении, я сразу подумала о своей кандидатуре. Это – грамотное управленческое решение, я относительно молода, здорова, не имею малолетних детей, то есть ныть и христарadniчать в суде по поводу несправедливого увольнения не буду – аргументов нет. А работодатель, в свою очередь, не станет терзаться угрызениями совести, мол, выставил сиротку на мороз. Работу я найду, если захочу, конечно.

Ну а самый главный аргумент: работодатель меня терпеть не может, и горизонт его станет чище без меня.

Главный врач сел в кресло слишком недавно, чтобы мы его раскусили. Демократичные манеры ни о чём не говорят, это симптом скорее тревожный, чем обнадеживающий. Мы склонны думать, что, несмотря на вежливость, славное боевое прошлое и чистые помыслы, которые он периодически демонстрирует, бедный главный скоро запутается в тенетах бухгал-

терии. Сам не заметит, как впишется в коррупционные схемы, а потом уже поздно будет дёргаться. Обидно, но жизнь есть жизнь.

Впрочем, я никогда не притязала на близкое с ним знакомство. Пару месяцев назад мне понадобился ассистент. Травматолог, обычно исполняющий эту роль в часы работы экстренной службы, захлёбывался от потока больных, я пыталась вызвать кого-то из коллег – безуспешно, они не отвечали на звонки. На аппендицит можно пойти вдвоём с сестрой, та же Наталья Тимофеевна ассистирует лучше иного хирурга, но при перитоните без второго хирурга никак. Полным яда голосом я доложила главврачу и только собиралась развить тему, как он пришёл и встал к операционному столу.

Ассистент из него вышел прекрасный, следовало похвалить Владимира Семёновича (так зовут главврача) или хотя бы спросить, где он так хорошо научился хирургии.

Но в меня словно бес вселился! Я человек обычно вежливый и довольно скромный, и психика у меня слишком гибкая, чтобы стать лидером оппозиции, хотя подхалимством я тоже не страдаю. Если в чём-то твёрдо убеждена, то свою позицию отстаиваю. Но без хамства и истерики!

А тут... После операции я заявила уставшему с непривычки Владимиру Семёновичу, что он должен организовать работу так, чтобы дежурной смене не приходилось с фонарями разыскивать ассистента. В этом состоит организаторская работа, а вовсе не в том, чтобы устраивать тут клуб весёлого хирурга. В конце концов, добавила я на случай, если Владимир Семёнович не понял мою мысль, капитан корабля не затыкает течь в трюме собственным телом, а принимает эффективные комплексные меры, чтобы судно следовало верным курсом. Главврач посмотрел на меня с лёгким ужасом и быстро ретировался.

– Чёрт, как жаль! – взяв ножницы, я срезаю нитки с линии швов, оставляя строго три миллиметра: один для врача, один для больного и один для прокурора.

– Почему жаль-то? Наоборот, здорово! Нам нравится с вами работать.

– Мне с вами тоже, но я хочу сократиться! Быстро и эффективно, как поперечно-полосатая мышца! Я выжата до предела, всё! Караул устал...

Сейчас я говорю правду. Интерес к профессии давно утрачен, помогать людям тоже не хочется, но самой выбраться из этого болота у меня никогда не хватит силы духа. А сокращение – прекрасная возможность хоть что-то изменить в монотонном укладе жизни, добавить чуточку риска и непредсказуемости.

– Получу выходное пособие, встану на биржу, осмотрюсь, – начинаю я делиться творческими планами и мечтами, – учитывая неистовую оптимизацию здравоохранения, очень сомнительно, что мне сразу найдут место по специальности, стало быть, предложат курсы какие-нибудь. При грамотном подходе можно полгода дурака валять.

Ассистент молчит, но, чувствую, мои слова заставили его задуматься. Наталья Тимофеевна вздыхает под маской и говорит, что мне нельзя уходить из медицины.

– У меня утрачивается чувство реальности, – жалуясь я, – во всех средствах массовой информации бравурные отчёты о модернизации здравоохранения, прогресс буквально шагает по планете! Куда ни посмотри, везде достижение на достижениях, а я между тем остаюсь нищим отсталым врачом в нишей отсталой больнице. Мистика, да и только.

– Интересно, – Наталья Тимофеевна даёт мне шить кожу, – в своё время правительство решило, что для того, чтобы чиновники и депутаты работали хорошо и не брали взятку, надо им платить очень большие зарплаты. Почему они считают, что эта схема не работает на медиках?

– Очевидно, потому, что она не сработала на них самих, – бурчит ассистент, и добавить тут нечего. – Так скажите, что вы хотите сократиться.

– Тогда меня станут увольнять по собственному желанию, а потом уберут свободную ставку, и всё. Нет такой подлости, которую больничная администрация не провернёт с рядовым врачом.

– Это верно...

Сейчас я говорю неправду. С тех пор как Владимир Семёнович вступил в должность, никто из докторов обижен не был. Конечно, бухгалтерия пытается обсчитать, но уже не так нагло, как прежде. Все ходят в отпуска, ездят на учёбу, получают за платные услуги, а остальное – это гримасы оптимизации здравоохранения, тут главврач такая же страдающая сторона, как мы. Но то ли по привычке, то ли из зависти к чужой успешной карьере мы продолжаем считать его врагом.

Нечего лукавить, я нагрубила Владимиру Семёновичу только потому, что испугалась приглашения на чай, последовавшего после той операции. Я решила, что, если начну чаёвничать с главным, коллеги сочтут меня подхалимкой и выкинут из своих дружных рядов. Или не только поэтому? – приходит в голову тоскливая мысль, но я её гоню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.